

УДК 159.955; 159.923.2

DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-3-11

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБРАЗА АРМЯНИНА У РУССКИХ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ ТИПОМ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

С. А. Романова¹, О. С. Гурова¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье анализируется специфика категориальной структуры образа армянина у русских студентов г. Барнаула с разным типом этнической идентичности. Представители армянского этноса являются одной из многочисленных этнических групп, проживающих в России, а пространство высшего образования представляется одной из площадок, где можно встретиться с ними. Так, у современных студентов актуализируется потребность в адаптации как к новому образовательному пространству, так и к его многонациональности. Процесс такой адаптации включает ряд трудностей, с которыми сталкиваются студенты разных национальностей. По нашему мнению, такие трудности в том числе связаны со спецификой категоризации коренным населением членов разных этнических групп.

Материалы и методы. Специфика категориальной структуры образа члена армянской этнической группы представлена в виде структуры категорий, выделенной по основанию преобладающего типа этнической идентичности респондентов. Для достижения цели исследования были использованы методы: свободных ассоциаций, субъективного шкалирования, факторного анализа данных, опросник «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой. Выборку составили 187 студентов разных специальностей и разных вузов г. Барнаула.

Результаты исследования. Получены четыре модели, отражающие категориальную структуру образа армянина у групп русских студентов с разным типом этнической идентичности. Все группы респондентов категоризируют армянина по основаниям эмоциональности, общительности, стратегии поведения в конфликте, преобладающей позиции в группе. Отличительным является наполненность выделенных категорий. Так, русские студенты с выраженной нормальной этнической идентичностью отмечают отрицательные качества армянина, но в структуре образа превалируют положительные характеристики (веселый, разговорчивый, экспрессивный, уступчивый). Русские студенты с выраженной гиперидентичностью представляют армянина также комплексно, выделяя у них позитивные и негативные характеристики, где по большей части представлены вторые (конкурирующий, импульсивный, хитрый). В структуре образа армянина у респондентов с преобладающей этнической индифферентностью в большинстве присутствуют негативные характеристики, а группа студентов с выраженным этнонигилизмом практически полностью представляет армянина в негативном свете.

Обсуждение и заключения. На основании результатов исследования сделан вывод о необходимости формирования у студентов позитивной этнической идентичности. Предполагается, что специфика категоризации члена армянской этнической группы

русскими студентами будет обуславливать их характер общения с представителем данной национальности.

Ключевые слова: категоризация, социальная категоризация, этническая идентичность, социальная идентичность, межнациональное взаимодействие.

Для цитирования: Романова С.А., Гурова О.С. Категориальная структура образа армянина у русских студентов с разным типом этнической идентичности // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9, №3. С. 11.

CATEGORICAL STRUCTURE OF THE ARMENIAN IMAGE AMONG RUSSIAN STUDENTS WITH DIFFERENT TYPES OF ETHNIC IDENTITY

S. A. Romanova¹, O. S. Gurova¹

¹Altai State University, Barnaul, Russian Federation

ABSTRACT

Introduction. The article analyzes the specificity of the categorical structure of the Armenian image among Russian students of Barnaul with different types of ethnic identity. Representatives of the Armenian ethnic group are one of the numerous ethnic groups living in Russia, and the space of higher education seems to be one of the platforms where you can meet them. Thus, among modern students, the need to adapt both to the new educational space and to its multinationality is becoming actual. The process of such adaptation includes a number of difficulties that students of different nationalities face. In our opinion, such difficulties are also associated with the specifics of categorization by the indigenous population of members of different ethnic groups.

Materials and Methods. The specificity of the categorical structure of the Armenian image is presented in the form of a structure of categories identified on the basis of the prevailing type of ethnic identity of the respondents. To achieve the goal of the study, the following methods were used: free associations, subjective scaling, factor analysis of data, the questionnaire "Types of ethnic identity" by G.U.Soldatova and S.V. Ryzhova. The selection consisted of 187 students of different specialties and different universities in Barnaul.

Results. Four models have been obtained that reflect the categorical structure of the image of an Armenian in groups of Russian students with different types of ethnic identity. All groups of respondents categorize the Armenian on the basis of emotionality, sociability, strategy of behavior in the conflict, and the prevailing position in the group. The fullness of the selected categories is distinctive. Thus, Russian students with a pronounced normal ethnic identity note negative qualities of an Armenian, but positive characteristics prevail in the structure of the image (cheerful, talkative, expressive, compliant). Russian students with a pronounced hyperidentity also represent the Armenian in a complex way, highlighting their positive and negative characteristics, where the latter are mostly represented (competing, impulsive, cunning). In the structure of the image of an Armenian, the majority of respondents with predominantly ethnic indifference have negative characteristics, and the group of students with pronounced ethnonihilism almost completely represents the Armenian in a negative light.

Discussion and Conclusions. Based on the results of the study, it was concluded that it is necessary to form a positive ethnic identity among students. It is assumed that the specificity of the categorization of a member of the Armenian ethnic group by Russian students will determine their nature of communication with a representative of this nationality.

Keywords: categorization, social categorization, ethnic identity, social identity, interethnic interaction

For citation: Romanova S.A., Gurova O.S. Categorical structure of the armenian image among russian students with different types of ethnic identity // Vestnik of Minin University. 2021. Vol. 9, no. 3. P. 11.

Введение

Регионы России на текущий момент характеризуются многонациональностью, что стало результатом активных мероприятий по переселению населения, берущих начало еще в XX веке [7; 26]. Различные новостные материалы, опубликованные в сети Интернет, свидетельствуют о том, что одной из наиболее многочисленных этнических групп, проживающих на территории постсоветской России, являются представители армянского этноса. По результатам переписи населения, датируемой 2010 годом, число армян в Алтайском крае составляло более 7 тыс. человек.

В современной российской науке присутствует множество работ, посвященных исследованию национального самосознания разных этнических групп: татары [5], чувашаи [14], хакасы [13] и многие другие. Исследованию национального самосознания армян также посвящены работы, которые освещают особенности этнического самосознания в целом, этнической идентичности и ценностно-смысловой сферы [1; 2; 6; 16; 29 и др.]. Помимо этого, большой пласт исследований в российской и мировой науке базируется на изучении образов членов одних этнических групп у представителей других [25; 11 и др.], а также содержания соответствующих стереотипов [35; 41; 42; 45; 48].

Есть исследования, которые свидетельствуют о преобладающей роли этнической идентичности в структуре социальной идентичности армян. В целом у членов различных диаспор наблюдается необходимость не только поддерживать и развивать свою этническую культуру, сохранить связь со своей национальной родиной, но и адаптироваться к новому социокультурному пространству, в котором циркулируют свои нормы и ценности [27]. Так, в исследованиях акцент делается в большей степени на этнической идентичности представителей различных этнических меньшинств на территории российского государства. Также широко изучается специфика этнической идентичности коренного населения, поскольку интернационализация российской территории, а вместе с ней и различных жизненных сфер предполагает интенсификацию этнической напряженности – кризис этнической идентичности наблюдается не только у этнических меньшинств, но и у русского населения [28; 32]. Помимо этого, накоплен огромный багаж эмпирического материала, подтверждающего взаимосвязь типа этнической идентичности и этнических стереотипов [4; 8; 31; 43; 51].

Исследованиям межнационального взаимодействия посвящено множество работ отечественных и зарубежных авторов, широко изучены разные стороны такого

взаимодействия, а также психологические конструкты, влияющие на его специфику. Ряд работ направлен на изучение взаимосвязи этнической идентичности и этнических стереотипов, социальных представлений о членах разных этнических групп. При такой широкой изученности вопроса изучение специфики межнационального взаимодействия до сих пор остается актуальным ввиду сохранения ряда проблем и сложностей в рамках такого взаимодействия. Со стороны науки мало работ посвящено изучению проблемы «вглубь» – лишь небольшое число работ посвящено исследованию этнической идентичности и образа члена другой этнической группы в связке с другими аспектами самосознания личности в целом и другими компонентами социальной идентичности в частности. Большинство исследований ограничивается только поиском взаимосвязи этих феноменов, а также поиском набора представлений о членах разных этнических групп, без выделения семантической структуры их содержания.

В нашей работе мы делаем акцент на изучении специфики содержания образа члена армянской этнической группы у русских студентов с разным типом этнической идентичности. Чтобы изучить глубину этого вопроса, рассмотрим подробнее связанные с ним теоретические конструкты.

Обзор литературы

Результаты различных социально-психологических исследований описывают механизм противопоставления «Мы» и «Они» в процессе межнационального взаимодействия [47]. Помимо этого, есть результаты, подтверждающие влияние дружеских отношений на этническую категоризацию: представители из группы большинства, как правило, выбирают и сохраняют друзей, которых они категоризируют как членов своей группы большинства. И, напротив, члены группы этнического меньшинства не предпочитают других членов меньшинства при выборе друзей, но склонны классифицировать своих существующих друзей как членов группы меньшинства [33].

Несмотря на такое отличие социальной категоризации от категоризации всех физических объектов, как сопоставление себя с оцениваемой социальной группой, современные исследователи отмечают, что социальная категоризация, в том числе и этническая, не отличается от механизма категоризации в общем понимании, поскольку выполняет такую же функцию организации и структурирования наших знаний о мире [34]. Когда на разнообразные социальные объекты накладываются категории, ими становится проще управлять – не нужно делать акцент на каждой индивидуальной сущности и относиться к ней как к чему-то уникальному и, соответственно, непредсказуемому. Так, социальная категория, на каком бы основании она ни базировалась, позволяет делать актуальные и важные выводы, определяющие ход дальнейшего взаимодействия с социальным объектом, а также идентифицировать себя с определенной группой и отделить от другой.

В отечественной литературе, как и в мировой науке, социальная категоризация также рассматривается в контексте стереотипизации как разновидности более универсальной категоризации, что выступает рациональной формой познания [23]. Процесс сопоставления «Мы» и «Они» активизирует множество стереотипов, что образуются на основе характеристик, благодаря которым члены одной группы воспринимают друг друга похожими на себя и отличающимися от членов других социальных групп. Такие стереотипы могут как отражать действительные межгрупповые различия (например, разные возможности

получения образования) и характеризоваться точностью, так и непосредственно базироваться на перцептивных искажениях членов группы, что руководствуются личным ограниченным опытом взаимодействия с членом группы сравнения или же мотивационными аспектами взаимодействия с ними в перспективе (например, желание «принизить» конкурирующую группу или подтвердить классовое неравенство) [38; 44].

Сьюзан Фиске с соавторами была предложена модель содержания стереотипов (Stereotype Content Model), базирующаяся на двух независимых измерениях: отношение к социальному объекту или социальной группе в целом и компетентность оцениваемого субъекта или группы добиваться желаемого [39; 40]. В модели сочетание данных измерений обуславливает смешанный характер стереотипов, которые включают в себя разные характеристики, помимо отрицательных (предрассудки).

Помимо процессов категоризации и стереотипизации, в мировой науке изучен процесс формирования социальных представлений, с помощью которых ученые также пытаются раскрыть специфику социального познания. Социальные представления исследовали многие психологи и социологи конца XX – начала XXI в.: С. Московичи, К. Херзлиш, И. Маркова, У. Дуаз, Т.П. Емельянова, А.И. Донцов и др. Социальные представления трактуются как общественное обыденное сознание, в котором взаимодействуют различные иррациональные убеждения, знания, идеологические взгляды [9; 17]. В структуре социальных представлений выделяют элементы ядра – неизменные образования, что преобладают у большинства членов изучаемой социальной группы, и периферии – более гибкие для трансформации образования, что являются менее значимыми для социальной группы, их носителями являются отдельные индивиды [3].

Как было указано ранее, в российской науке в контексте межнационального взаимодействия зачастую исследуется этнический стереотип как набор характеристик, приписываемых члену конкретной этнической группы. Но в нашей работе мы придерживаемся конструкта категориальной структуры, который, по нашему мнению, отражает многомерный взгляд на специфику структуры образа члена определенной этнической группы и позволяет выделить системную организацию его содержания [19], что не позволяют сделать теории социальных представлений и стереотипизации.

В.Ф. Петренко отмечает, что человек выстраивает действительность, начиная с образа себя, других, социальных систем и закачивания моделями Мира. Образ любого объекта выстраивается на основе категорий, которые фиксируют его атрибутивные характеристики. Категория – свернутая в одно понятие целостная система представлений, знаний, что выработаны человечеством [19].

Процесс построения картины мира включает в себя образы себя и других, значит, процесс такой социальной категоризации тесно связан с процессом самокатегоризации и социальной идентичностью как его результатом [49]. Так, этническая идентичность, в свою очередь, является частью социальной идентичности личности, психологической категорией, связанной с результатом когнитивно-эмоционального процесса осознания своей принадлежности к определенной этнической общности, что выражается в определенной степени отождествления себя с ним и обособления от других этносов [20].

С точки зрения Т.Г. Стефаненко этнос выполняет существенную роль в становлении социальной идентичности, поскольку ориентирует человека в изменяющемся мире, задает общие жизненные ценности, выполняет роль защиты как социального, так и физического характера. Помимо ценностей, принадлежность к этносу влияет и на порождение определенных смысловых образований, а ценностно-смысловая сфера является

системообразующим основанием личности [22]. Принадлежность человека к определенному народу и отношение к нему играет ключевую роль в отношениях на межличностном и межнациональном уровнях в целом, поскольку содержание этнической идентичности не что иное, как фактическое этническое поведение, которое идет вместе с отношением к своей этнической группе [46; 52]. Этническая идентичность представляется как континуум ее типов от гиподентичности – негативизма в отношении своей этнической группы, к этнической индифферентности, где этничность не является актуальной, далее к позитивной этнической идентичности – одинаково позитивному отношению к своему и чужому народу, и до гиперидентичности – крайней степени негативизма в отношении других этнических групп [21].

Как определили зарубежные исследователи, сама этническая принадлежность – это изменчивая, сложная и многоплановая концепция, которая тесно взаимосвязана и с другими основаниями самокатегоризации [36]. Например, М.С. Яницкий и А.В. Серый с соавторами выделили преобладающие компоненты социальной идентичности у русской молодежи и установили, что этноконфессиональная принадлежность имеет наименьшее значение для ранга выделенных компонентов (при этом этническая идентичность воспринимается как намного более значимая по сравнению с религиозной). В то же время социокультурная идентификация в большинстве случаев оказывает одномоментное влияние на ранг значимости других компонентов идентичности, тем самым определяя общую структуру идентичности [30]. Таким образом, авторы доказывают иерархический характер структуры социальной идентичности, а также взаимообусловленность и взаимовлияние разных ее компонентов друг на друга.

Помимо взаимовлияния компонентов социальной идентичности, учеными также отмечается взаимообусловленность личной и социальной идентификации, которые также попеременно играют ведущую роль в восприятии социальных объектов, что зависит от ситуации [50].

Материалы и методы

Общая цель нашего исследования заключается в том, чтобы выявить специфику содержания категориальной структуры образа армянина как результата процесса его социальной категоризации, у русской молодежи с разным типом этнической идентичности (на примере студентов Алтайского края). Следующие гипотезы исследования раскрывают его особенности и приоткрывают составляющие научной новизны:

1. Вероятно, тип этнической идентичности влияет на выраженность характеристик, что наполняют образ армянина, сформированный у русских студентов в процессе социальной категоризации [10].

2. Категориальная структура образа армянина качественно отличается у русских студентов с разным типом этнической идентичности, т.е. у русских студентов с выраженным этнонигилизмом, этнической индифферентностью, нормальной этнической идентичностью и гиперидентичностью категории, на основе которых они конструируют образ армянина, наполнены разным содержанием.

В качестве теоретико-методологических оснований работы выступили психосемантический подход В.Ф. Петренко, теория самокатегоризации Дж. Тернера, теория социальной идентичности А. Тэшфела, концепция этнической идентичности Т.Г. Стефаненко, типология этнической идентичности Г.У. Солдатовой, исследования

социальной идентичности А.В. Серого и М.С. Яницкого, системный подход к изучению психических и социально-психологических явлений (В.Е. Ключко, Р.С. Немов).

Для исследования нами были выбраны представители российской студенческой молодежи, обучающиеся в различных вузах г. Барнаула на разных специальностях – психология, информационные технологии, юриспруденция и др. Для исследования были выбраны представители именно этой социальной группы, поскольку именно они взаимодействуют с членами разных этнических групп на территории многонационального образовательного пространства. Например, в Алтайском государственном университете обучается порядка 11% иностранных студентов от общего количества студентов вуза, в это число входят и студенты из Армении. Помимо приезжих на период учебы студентов, в вузе также обучаются представители разных этносов в целом.

В исследовании приняли участие 225 студентов. Возрастной диапазон составил от 18 до 25 лет. Результаты исследования были получены на основе анализа данных 187 студентов от общего числа выборки. Данные студенты корректно заполнили стимульный материал, идентифицируют себя как представителя русской национальности и имеют разный опыт общения с членами других этнических групп.

Для выявления категориальной структуры образа члена армянской этнической группы у русских студентов были использованы методы: метод свободных ассоциаций, метод субъективного шкалирования, опросник «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой, факторный анализ для статистической обработки данных.

На основе данных, полученных в ходе применения метода свободных ассоциаций, был составлен опросник, направленный на выделение категорий, с помощью которых респонденты будут оценивать представителей других этносов, в том числе армянского. Был выбран именно этот метод, поскольку он позволяет выявить имплицитный материал, носителями которого являются представители нашей репрезентативной группы – 13 студентов разного возраста и разных специальностей, выбранные случайным образом.

Задача студентов в рамках данной части исследования заключалась в том, чтобы обозначить 4-5 характерных черт (веселый, сильный, хитрый и т.д.) представителей следующих этнических групп: русские (своя этническая группа), армяне, китайцы, таджики и казахи. На основе полученных данных был составлен специфичный для генеральной совокупности унифицированный список дескрипторов, который впоследствии был применен для оценки респондентами характерных черт представителей данных этносов. Использование такого унифицированного списка дескрипторов в том числе и для оценки членов армянской этнической группы обусловлено предположением, что разная оценка степени соответствия первоначально одинаковых характеристик о членах разных этнических групп определяет их специфическое сочетание, что и образует социальную категорию верхнего уровня категориальной структуры образа члена данной этнической группы [19].

На основе анализа полученных в ходе методики свободных ассоциаций характеристик было выделено 155 разных прилагательных – черт, характерных для членов этнических групп, выбранных нами. Среди этих черт были выделены наиболее часто встречающиеся характеристики, на основе которых было составлено 27 пар дескрипторов (где для каждой характеристики был подобран антоним). Респондентов попросили оценить выраженность выделенных полярных характеристик у членов армянской этнической группы, основываясь на собственном, обобщенном представлении. Дескрипторы представляли собой биполярные графические шкалы, на которых респонденты оставляли пересекающую ее отметку –

субъективное обозначение степени выраженности каждой характеристики у представителя армянской национальности в виде ее тяготения к определенному полюсу.

Был выбран данный метод измерения, поскольку он способствует более точной и наглядной оценке признака респондентом, а также способствует минимизации эффекта социальной желательности, который может присутствовать при его оценке предложенных характеристик с помощью балльной системы. Также оценка выраженности признаков с помощью данного метода позволяет впоследствии выделить категориальную структуру образа армянина, построенную на основе различного их сочетания.

Респондентов также попросили пройти опросник «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой с целью выявления преобладающего типа этнической идентичности у каждого из них. Этническая идентичность является результатом самокатегоризации личности, которая не только базируется на специфике социальной категоризации членов разных этнических групп, но и определяет ее, что и будет далее отражено в исследовании на примере категоризации армян русскими студентами. Для учета этого важного критерия, обуславливающего содержание категориальной структуры образа представителей армянского этноса, выборка была поделена на четыре группы в зависимости от преобладающего типа этнической идентичности респондентов, что определялся путем сравнения количественных результатов шкал методики у каждого респондента [20]:

1. Гиперидентичности, которая выражается либо в одном из трех своих проявлений – этноэгоизме, этноизоляционизме и этнофанатизме, либо во всех проявлениях сразу. Эти проявления отражены в виде трех соответствующих шкал методики. Эту группу образовали 55 респондентов (почти 30% опрошенных) с высокой степенью выраженности хотя бы одной из трех шкал гиперидентичности в профиле этнической идентичности.

2. Позитивной этнической идентичности, которая проявляется в уважительном отношении и принятии как своей собственной этничности, так и других этничностей. В эту группу вошли 84 респондента, составляющие статистическое большинство, что подтверждается также эмпирическими результатами Г.У. Солдатовой, у которых в профиле этнической идентичности по соответствующей шкале были самые высокие показатели.

3. Этнической индифферентности, при которой критерий этничности не является актуальным для категоризации себя самого и других людей. В эту группу вошли 42 респондента – 22,4% от общей выборки, с высокими показателями шкалы этнической индифферентности по сравнению с другими шкалами в их профилях этнической идентичности.

4. Этнонигилизма, что характеризуется отходом от собственной этнической группы, ее неприятием, что может являться характерным для индивидов, проживающих в более этнически однородной среде, где интерес к своему этническому происхождению не ярко выражается [15]. Эту группу составили всего 6 респондентов с высокими показателями по шкале этнонигилизма в их профилях этнической идентичности – 3% от общей выборки, что является прогнозируемым меньшинством и подтверждается результатами других исследований [12; 24].

Таким образом, число респондентов, вошедших в каждую из четырех групп, от общего числа всей выборки отражает распределение типов этнической идентичности в генеральной совокупности.

Для обнаружения зависимости характеристик, степень выраженности которых респонденты оценивали у армян и которые в дальнейшем составили содержание категорий, от преобладающего типа этнической идентичности респондентов, установленного нами

ранее, применялся метод однофакторного дисперсионного анализа. В качестве независимой переменной выступило отнесение каждого респондента к одной из четырех групп по основанию преобладающего у них типа этнической идентичности: гипоиентичности, этнической индифферентности, позитивной этнической идентичности и гиперидентичности. Зависимыми переменными выступили оценки респондентами армян по предложенным шкалам-дескрипторам.

Для выделения категориальной структуры образа члена армянской этнической группы у студентов с разным типом этнической идентичности обработка полученных результатов субъективного шкалирования осуществлялась с помощью метода факторного анализа. Все расчеты производились в среде статистической обработки данных SPSS Statistics 21.0.

Результаты исследования

Нами были выделены четыре модели результата социальной категоризации члена армянской этнической группы, разделяющие индивидов с преобладанием определенного типа этноидентичности – гиперидентичности, нормальной этнической идентичности, этнической индифферентности и гипоиентичности, выраженной в этнонигилизме. Сначала будут представлены результаты дисперсионного анализа для демонстрации выявленных зависимостей характеристик, что образовали содержание категорий образа армянина, от типа этнической идентичности респондентов. Далее будут представлены полученные результаты факторного анализа у каждой из групп.

Как уже было указано ранее, для обнаружения влияния преобладающего типа этнической идентичности на характеристики, степень выраженности которых респонденты оценивали у члена армянской этнической группы, был применен однофакторный дисперсионный анализ, где независимой переменной выступило отнесение каждого респондента к одной из четырех групп: с преобладающей гипоиентичностью, этнической индифферентностью, нормальной этнической идентичностью и гиперидентичностью (преобладание одной или всех трех ее шкал – этноэгоизм, этнофанатизм, этноизоляция). Преобладание того или иного типа этнической идентичности определялось путем анализа профиля этнической идентичности каждого респондента, т.е. числовое значение шкал у респондентов с одним преобладающим типом этнической идентичности может сильно отличаться.

Представим стандартное отклонение (σ_x) и средние значения (M_x) выраженности каждой шкалы методики «Типы этнической идентичности» у каждой группы респондентов:

Группа 1 – выраженная гипоиентичность (n=6);

Группа 2 – выраженная этническая индифферентность (n=42);

Группа 3 – выраженная нормальная этническая идентичность (n=84);

Группа 4 – выраженная гиперидентичность (n=55).

General psychology, personality psychology, history of psychology

Таблица 1 – Показатели шкал методики «Типы этнической идентичности» у каждой группы респондентов / Table 1 – Indicators of the scales of the "Types of ethnic identity" method for each group of respondents

Группа (тип этноидентичности) / Group (ethno-identity type)	№1 (n=6)		№2 (n=42)		№3 (n=84)		№4 (n=55)	
	M_x	σ_x	M_x	σ_x	M_x	σ_x	M_x	σ_x
Этнонигилизм / Ethnonihilism	15,33	3,44	3,78	2,61	2,96	2,17	4,67	3,63
Этническая индифферентность / Ethnic indifference	13,5	2,07	15,23	2,44	11,23	2,85	10,76	3,23
Позитивная этническая идентичность / Positive ethnic identity	11,6	1,86	15,09	2,54	17,58	1,85	14,49	3,70
Этноэгоизм / Ethno-egoism	4,8	4,07	4,59	2,73	4,57	3,16	9,9	4,68
Этноизоляция / Ethno-isolationism	3,5	3,61	2,64	2,51	3,25	2,83	7,27	4,22
Этнофанатизм / Ethnofanaticism	6,3	3,82	3,83	2,99	4,58	3,07	9,63	4,29

В представленных данных можно увидеть различия в выраженности типов этнической идентичности у четырех групп респондентов. У группы студентов с выраженным этнонигилизмом наибольшее среднее значение приходится на соответствующую шкалу. Стоит отметить, что у этой группы студентов наблюдается и самое низкое среднее значение по шкале позитивной этнической идентичности по сравнению со значениями по этой же шкале у других групп. Изменчивость данных респондентов этой группы по этой шкале является также самой низкой.

У студентов с преобладанием этнической индифферентности среднее значение соответствующей шкалы и шкалы позитивной этнической идентичности схожи. Вероятно, несмотря на то, что этничность не является для этой группы актуальной, ее представители стремятся к установлению доброжелательных отношений с любым человеком.

Стоит также отметить, что варианты значений всех шкал у данной группы респондентов являются схожими, что может свидетельствовать о некой согласованности их позиции.

У группы респондентов с выраженной нормальной этнической идентичностью значения по соответствующей шкале заметно превышают показатели по другим шкалам, т.е. такие респонденты отчетливо осознают свою этническую принадлежность, видят различия с членами других этнических групп, уважают и принимают их.

Наконец, у группы респондентов с выраженной гиперидентичностью среднее арифметическое значение по шкале нормальной этнической идентичности превышают

показатели по другим шкалам. Однако, несмотря на это, у данной группы выявлены самые высокие значения по шкалам гиперидентичности по сравнению с другими группами. Как уже было отмечено нами ранее, приписывание каждому респонденту «членства» в одной из выделенных нами групп обусловлено анализом каждого профиля этнической идентичности. То, что среднее значение шкалы позитивной этнической идентичности у группы респондентов с преобладанием гиперидентичности оказалось выше значений по шкалам гиперидентичности, может быть связано с несколькими факторами. Это может быть связано как с определенным сочетанием разных числовых показателей по одним и тем же шкалам, так и с предположением, что эта группа респондентов при прохождении методики могла периодически выбирать социально желательные варианты ответов с целью минимизировать негативный окрас своего действительного отношения к этническим различиям. Также это может быть связано с принятием самого факта таких различий, что характерно для данных типов этнической идентичности (гиперидентичность и позитивная этническая идентичность).

В результате применения однофакторного дисперсионного анализа нами были обнаружены зависимости только двух шкал-дескрипторов (из 27 представленных) от типа этнической идентичности респондентов. Принимались в расчет те данные, где p -уровень критерия равенства дисперсий Ливиня был $\leq 0,05$. Так, нами были обнаружены зависимости оценочных шкал «Печальный-веселый» ($F=2,79$ при $0,42$) и «Слабый-сильный» ($F=3,559$ при $0,015$) от преобладающего типа этнической идентичности респондентов. Наиболее печальным ($M_x = 4,9000$) и слабым ($M_x = 4,7833$) армянина характеризуют респонденты с преобладающим этнонигилизмом, а наиболее веселым ($M_x = 7,6631$) и сильным ($M_x = 7,300$) респонденты с выраженной позитивной этнической идентичностью. Респонденты с выраженной этнической индифферентностью также характеризуют армянина как веселого ($M_x = 7,000$) и сильного ($M_x = 6,9786$), но чуть в меньшей степени в отличие от респондентов с нормальной этнической идентификацией. И, наконец, респондентами с выраженной гиперидентичностью армянин также характеризуется как сильный ($M_x = 6,3848$) и веселый ($M_x = 6,7509$), но в еще меньшей степени по сравнению с двумя описанными группами.

На наш взгляд, то, что нами не были обнаружены зависимости других шкал-дескрипторов от типа этнической идентичности респондентов, может быть связано как со схожими оценками двух или трех групп респондентов из четырех (ситуация, где в отношении определенной характеристики только одна или две группы респондентов дают отличительные оценки) или же со схожими оценками всех четырех групп респондентов одной характеристики (например, все респонденты могут одинаково оценивать армянина как дружелюбного). По нашему мнению, тип этнической идентичности обуславливает содержание стереотипа об армянине, что включает в себя специфичное сочетание кажущихся одинаковыми характеристик. Для подтверждения данного утверждения перейдем к результатам факторного анализа.

В таблице 2 представлены факторы, которые включает в себя модель категориальной структуры образа члена армянской этнической группы у респондентов с выраженной гиперидентичностью – преобладанием одной или всех трех шкал – этноэгоизма, этноизоляционизма, этнофанатизма. Объясненная дисперсия (D) факторной модели – 74,312%.

General psychology, personality psychology, history of psychology

Таблица 2 – Компоненты категориальной структуры образа армянина у группы респондентов с выраженной гиперидентичностью / Table 2 – Components of the categorical structure of the image of an Armenian in a group of respondents with pronounced hyperidentity

Фактор (категория) / Factor (category)	D, %	Содержание фактора (подкатегории) / Factor content (subcategories)
F1. «Импульсивный» / «Impulsive»	15,496	Возбужденный / excited (a = 0,829), шумный / noisy (a = 0,805), легкомысленный / frivolous (a = 0,793), вспыльчивый / quick-tempered (a = 0,700), гордый / proud (a = 0,624)
F2. «Конкурирующий» / «Competing»	14,765	Хитрый / cunning (a = 0,824), расточительный / wasteful (a = 0,751), упрямый / stubborn (a = 0,693), подозрительный / suspicious (a = 0,667), агрессивный / aggressive (a = 0,537), враждебный / hostile (a = 0,509)
F3. «Ориентация на людей» / «Targeting People»	10,301	Разговорчивый / talkative (a = 0,798), гостеприимный / hospitable (a = 0,655), простой / simple (a = 0,592)
F4. «Командный» / «Command»	9,394	Сплоченный / cohesive (a = 0,828), альтруистичный / altruistic (a = 0,638), открытый / open (a = 0,546)
F5. «Ориентация на труд» / «Orientation to Work»	9,376	Сильный / strong (a = 0,796), трудолюбивый / hardworking (a = 0,766)
F6. «Ведущий» / «Leader»	7,845	Ведущий / leading (a = 0,894), аккуратный / neat (a = 0,610)
F7. «Веселый» / «Cheerful»	7,134	Веселый / cheerful (a = 0,847)

Данной группой респондентов армянин категоризируется в большей степени как не способный сдерживать свои эмоции и при этом глубоко чувствовать эмоции окружающих, как тот, на поведение которого сложно повлиять извне, чьи поведенческие реакции сложно предугадать. В целом он представляется как человек, стремящийся к конкуренции, который регулярно проявляет подозрительность и при этом часто сам идет на обман для достижения желаемого. Помимо этого, он категоризируется как довольно общительный, кому важно устанавливать межличностные связи, а также принадлежать к той или иной группе. Такое представление подтверждается ранее обозначенными нами результатами других исследований, где принадлежность к своей этнической группе является одним из значимых типов идентификации для армян. Если рассмотреть содержание соответствующего компонента, отраженного в нашей факторной модели, можно сделать вывод, что армянин, с точки зрения респондентов с гиперидентичностью, больше доверяет членам своей группы, нежели другой, с представителями которой может легко вступить в конфронтацию. Также

этой группой респондентов отмечается трудолюбие армянина, его стремление доминировать, а также преобладание позитивного настроения в целом.

В таблице 3 представлены факторы категориальной структуры образа армянина у респондентов с преобладанием нормальной, позитивной этнической идентичности. Объясненная дисперсия (D) факторной модели составляет 68,799%.

Таблица 3 – Компоненты категориальной структуры образа армянина у группы респондентов с выраженной нормальной этнической идентичностью / Table 3 – Components of the categorical structure of the image of an Armenian in a group of respondents with a pronounced normal ethnic identity

Фактор (категория) / Factor (category)	D, %	Содержание фактора (подкатегории) / Factor content (subcategories)
F1. «Экспрессивный» / «Expressive»	20,287	Веселый / cheerful (a = 0,834), разговорчивый / talkative (a = 0,823), шумный / noisy (a = 0,772), вспыльчивый / quick-tempered (a = 0,733), возбужденный / excited (a = 0,702), гордый / proud (a = 0,680), уверенный / confident (a = 0,668)
F2. «Стремление сотрудничать» / «The desire to cooperate»	12,330	Мирный / peaceful (a = 0,769), аккуратный / neat (a = 0,701), трудолюбивый / hardworking (a = 0,641), уступчивый / compliant (a = 0,631), альтруистичный / altruistic (a = 0,541)
F3. «Сложный в общении» / «Difficult to communicate»	9,520	Сложный / difficult (a = 0,753), подозрительный / suspicious (a = 0,685), хитрый / cunning (a = 0,632)
F4. «Религиозный» / «Religious»	8,483	Религиозный / religious (a = 0,747), сплоченный / cohesive (a = 0,607), гостеприимный / hospitable (a = 0,528)
F5. «Отзывчивый» / «Responsive»	6,691	Отзывчивый / responsive (a = 0,799), активный / active (a = 0,702)
F6. «Демократичный лидер» / «Democratic leader»	6,313	Ведущий / leading (a = 0,703), дружелюбный / friendly (a = 0,616)
F7. «Целеустремленный» / «Purposeful»	5,175	Целеустремленный / purposeful (a = 0,617)

Стоит отметить, что наиболее «тяжелый» фактор данной модели также отражает эмоциональную окрашенность поведения армянина. Но в данном случае респонденты с выраженной нормальной этничностью категоризируют армянина по критерию эмоциональности в более позитивном ключе – он представляется ими как более экспрессивный, ориентированный на общение, в котором демонстрируется его непосредственность, уверенность, красочность и, возможно, излишняя оживленность

General psychology, personality psychology, history of psychology

повествования. В отличие от предыдущей группы, данная группа респондентов представляет армянина как стремящегося не конфликтовать с другими, а, наоборот, сотрудничать с ними. В данной модели образа армянина он характеризуется способностью руководствоваться чувствами и интересами собеседника, а не только собственными желаниями. В меньшей степени по сравнению с предыдущей группой респондентов армянин категоризируется как сложный в общении, проявляющий хитрость и подозрительность. Данной группой также отмечаются этнические и культурные особенности представителя армянского этноса, что выражается в религиозности и гостеприимстве как характерной черте армянского народа, отзывчивости по отношению к другим. Помимо этого, армянин категоризируется как доминирующий, но этот аспект отражается в дефинициях дружелюбия, а также целеустремленности.

В таблице 4 представлены факторы категориальной структуры образа армянина у респондентов с преобладанием индифферентной этнической идентичности. Объясненная дисперсия (D) факторной модели составляет 75,324%.

Таблица 4 – Компоненты категориальной структуры образа армянина у группы респондентов с выраженной этнической индифферентностью / Table 4 – Components of the categorical structure of the image of an Armenian in a group of respondents with pronounced ethnic indifference

Фактор (категория) / Factor (category)	D, %	Содержание фактора (подкатегории) / Factor content (subcategories)
F1. «Конфликтный» / «Conflicting»	21,877	Вспыльчивый / quick-tempered (a = 0,875), упрямый / stubborn (a = 0,853), возбужденный / excited (a = 0,828), гордый / proud (a = 0,822), шумный / noisy (a = 0,768), уверенный / confident (a = 0,562)
F2. «Ленивый» / «Lazy»	13,106	Ленивый / lazy (a = 0,851), легкомысленный / frivolous (a = 0,789), небрежный / careless (a = 0,769), агрессивный / aggressive (a = 0,608)
F3. «Морально гибкий» / «Morally flexible»	11,867	Сложный / difficult (a = 0,835), подозрительный / suspicious (a = 0,777), расточительный / wasteful (a = 0,629), хитрый / cunning (a = 0,611), целеустремленный / purposeful (a = 0,540)
F4. «Общительный» / «Communicative»	11,822	Открытый / open (a = 0,740), разговорчивый / talkative (a = 0,735), дружелюбный / friendly (a = 0,675), активный / active (a = 0,590), веселый / cheerful (a = 0,578)
F5. «Лидирующий» / «Leading»	9,806	Ведущий / leading (a = 0,787)
F6. «Религиозный» / «Religious»	6,846	Религиозный / religious (a = 0,767), сильный / strong (a = 0,628)

Категория «Конфликтный» также имеет много общего с факторами «Импulsiveный» и «Экспрессивный», что были выделены в факторных моделях предыдущих групп респондентов. Но в случае с данной группой, у респондентов с выраженной этнической индифферентностью, армянин категоризируется как тот, кто стремится отстоять свою точку зрения или позицию путем выраженной конкуренции. Это объясняет наличие всех подкатегорий в соответствующем факторе выделенной модели. Данной группой респондентов армянин категоризируется как по большей части ленивый, легкомысленно и несерьезно относящийся к делу, как тот, кому в принципе не нравится трудиться. Так же, как и респондентами других групп, данной группой русских студентов отмечается сложность общения армянина, ввиду характерных для него хитрости и подозрительности, что в данном случае сопровождается целенаправленностью их применения. Хотя и в меньшей степени (если сравнивать с другими категориями), но респонденты этой группы категоризируют армянина как общительного, активного и открытого в общении. Также отмечается стремление армянина занять ведущую позицию. Интересным представляется сочетание подкатегорий в факторе, описывающем религиозность армянина. Видимо, в данном случае респонденты с выраженной этнической индифферентностью отмечают в качестве условия проявления силы армянина его приобщение к своей религии и культуре.

Поскольку группу с выраженным этнонигилизмом образовали всего 6 респондентов, применение факторного анализа, а также выделение категориальной структуры образа армянина не является возможным. В научных исследованиях коллег было также отмечено, что люди, у которых выражен данный тип этноидентичности, составляют 2-6% от всей выборки. Это является нормативным, поскольку отход от своей этничности, проявляющийся в полном ее неприятии, встречается значительно реже.

На данный момент относительно этой группы мы можем осуществить только анализ на основе описательных статистик. Таким образом, если оценить средние значения каждого дескриптора, можно заключить, что респонденты с выраженным этнонигилизмом выстраивают образ армянина, опираясь по большей части на следующие характеристики: возбужденный ($M_x=1,9333$), враждебный ($M_x=3,4833$), легкомысленный ($M_x=1,8500$), шумный ($M_x=1,8667$), вспыльчивый ($M_x=1,6167$), гордый ($M_x=1,5833$), подозрительный ($M_x=3,6167$), расточительный ($M_x=2,8333$), упрямый ($M_x=3,6833$), агрессивный ($M_x=3,1167$), эгоистичный ($M_x=3,6500$), небрежный ($M_x=3,0500$), но также разговорчивый ($M_x=6,4500$), уверенный ($M_x=6,1667$), активный ($M_x=6,7167$), сплоченный ($M_x=6,6500$), религиозный ($M_x=6,7167$) (рисунок 1).

General psychology, personality psychology, history of psychology

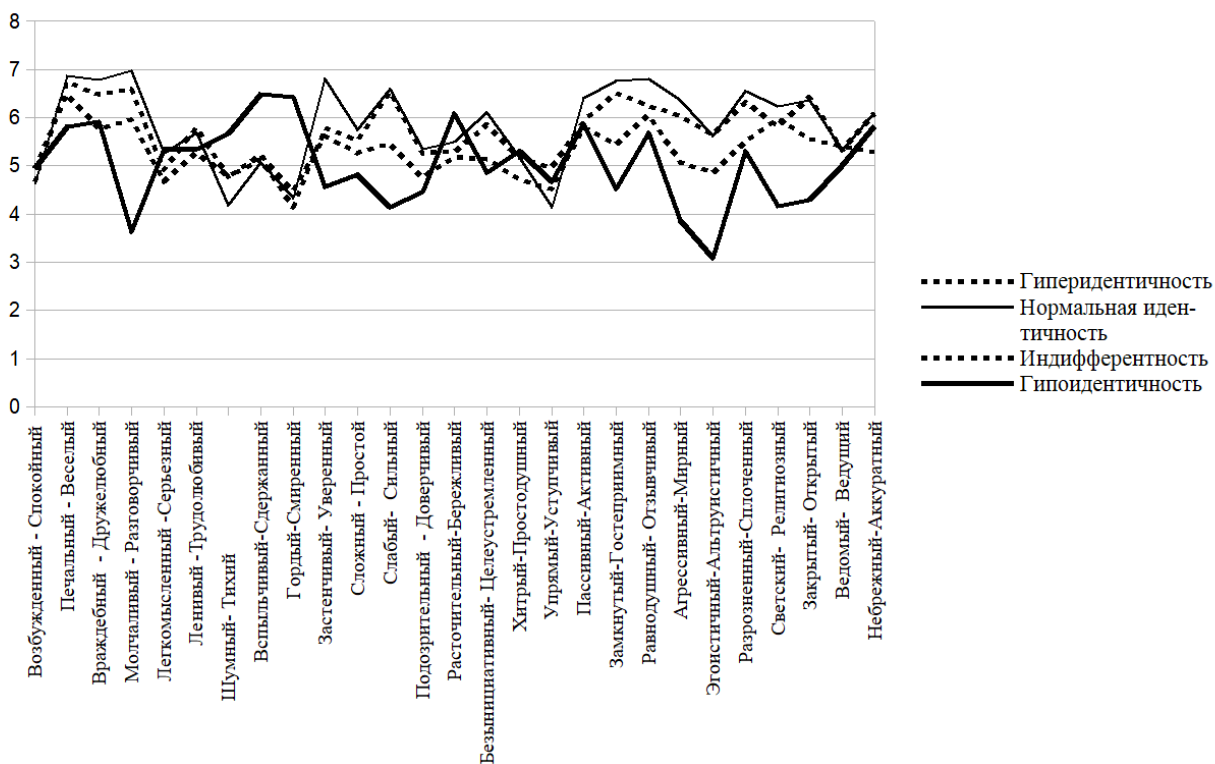

Рисунок 1 – Средняя выраженность значений шкал-дескрипторов у всех групп выборки

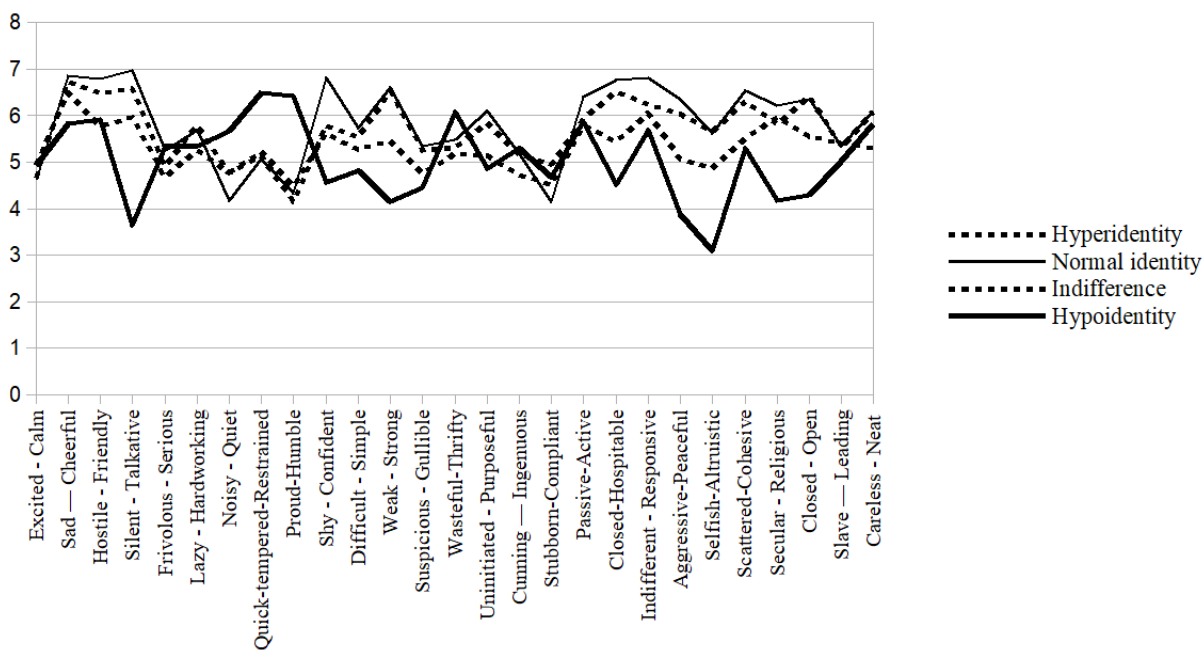

Figure 1 – The average severity of the values of the descriptor scales in all groups of the sample

Можно сделать вывод, что респонденты с выраженным этнонигилизмом категоризируют членов армянской этнической группы, опираясь в основном на негативно окрашенные характеристики, что может являться предпосылкой негативного отношения к представителям данного этноса.

Обсуждение и заключения

Анализируя полученные категориальные структуры образа армянина у русских студентов г. Барнаула с разным типом этнической идентичности, мы обнаружили некое сходство между выделенными в них факторами. При этом данные факторы наполнены разным содержанием. И, несмотря на то, что в определенных факторах-категориях большая часть характеристик совпадает, наличие других отличительных составляющих меняет смысловую нагрузку образа армянина в целом. Помимо этого, важным для вывода является учет веса каждого фактора в модели, поскольку проявления наиболее «тяжелых» факторов высоковероятно будет встречаться чаще и, с гипотетической точки зрения, обуславливать наиболее предпочтительный стиль поведения в межэтническом взаимодействии.

Так, все группы респондентов категоризируют армянина по основаниям эмоциональности, общительности, стратегии поведения в конфликте, преобладающей позиции в группе, доверия к себе и другим. Отличительным является наполненность категорий преобладающими положительными или отрицательными характеристиками.

У группы студентов с выраженной нормальной этнической идентичностью образ армянина основывается по большей части на положительно окрашенных категориях – экспрессивный, сотрудничающий, отзывчивый. Хотя данный образ включает и негативно окрашенный аспект (сложный в общении), этот факт лишь отмечает способность данной группы конструировать образ представителя другой национальности более объемно – с наличием отрицательного (учет возможных сложностей взаимодействия), но с акцентом на положительное.

Группа респондентов с выраженной этнической индифферентностью при построении образа армянина, наоборот, делает акцент на негативно окрашенных категориях – конфликтный, ленивый, морально гибкий.

Группой студентов с выраженным этнонигилизмом представители армянского этноса характеризуются в еще более негативном ключе – подавляющее большинство ярко выраженных характеристик в представлении армянина являются отрицательными.

И, наконец, группа респондентов с выраженной гиперидентичностью так же, как и группа с выраженной нормальной этнической идентичностью, конструирует образ армянина более комплексно, учитывая и положительные, и отрицательные характеристики. Но отличительным является то, что акцент она делает на вторых с помощью выделения таких наиболее значимых категорий, как «Импульсивный» и «Конкурирующий».

Стоит также отметить, что только в одной категориальной структуре образа армянина не присутствует категория, отличающая религиозность представителя данной этнической группы – у группы респондентов с выраженной гиперидентичностью. В характеристику «религиозный» студенты могут закладывать разные смысловые единицы. Например, религиозный как относящийся к определенной религии или как являющийся носителем другой культуры. Возможно, в нашем случае религиозность выступает как отличительная характеристика, отдающая дань уважения чужой культуре. И, несмотря на то, что респонденты с этноиндифферентностью и этнонигилизмом соответственно не принимают этничность как дифференцирующий признак и отходят от собственной этничности, вероятно, они отмечают различия в более широком по сравнению с этносом контексте – культуры. Но в случае с гиперидентичностью человек, по всей видимости, не только проявляет этноэгоизм, этнофанатизм и изоляционизм по этническому основанию в отношении представителей чужих национальностей, но и не готов принять их культурные

отличия. Таким образом, он может делать акцент на превосходстве представителей одной этнической группы (своей) над другой (чужой), а не на их качественных различиях, тем самым не принимая их. Но данное заключение носит характер предположения, которое требует дополнительного эмпирического доказательства в контексте изучения содержания категориальной структуры образов представителей уже разных культур.

Нами было доказано, что специфика категориальной структуры образа представителя армянского этноса у русских студентов обусловлена их этнической самокатегоризацией, однако мы не можем сделать вывод об ее однозначной зависимости от преобладающего типа их этнической идентичности. Подтвердилось предположение, что специфика оценки выраженности одинаковых характеристик русскими студентами с разным преобладающим типом этнической идентичности членов армянской этнической группы образует специфичную категориальную структуру его образа.

Предполагается, что содержание такой структуры будет обуславливать характер общения представителя русского этноса с членом армянской этнической группы. Данное заключение выдвинуто на основе результатов исследования влияния категориальной структуры сознания на поведенческие проявления личности, что описаны современными авторами [37]. Но специфика поведенческого отображения категорий этнического самосознания требует дополнительного экспериментального подтверждения.

Список использованных источников

1. Берберян А.С., Тучина О.Р. Исследование самопонимания этнокультурной идентичности в титульном армянском этносе и сопряженной армянской диаспоре в России // Российский психологический журнал. 2016. Том 13, №3. С. 178-196.
2. Берберян А.С., Тучина О.Р., Аполлонов И.А. Этническая идентичность и индекс толерантности в различной социокультурной среде // Ярославский педагогический вестник. 2019. Том 1, №106. С. 127-133.
3. Бовина И.Б., Стефаненко Т.Г., Тихомандрицкая О.А., Малышева Н.Г., Голыничик Е.О. Россия в современном мире: подход теории социальных представлений // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2009. №2.
4. Вацура В. В. Особенности этнических гетеростереотипов у молодежи с разным типом этнической идентичности // Молодой ученый. 2019. Том 51, №289. С. 451-453.
5. Волчков Э.Г. Национальное самосознание и самоидентификация // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. Том 3, №37. С. 315-318.
6. Донцов А.В., Стефаненко Т.Г. Культурная память о геноциде и этническая идентичность российских армян // Человеческий капитал. 2017. Том 11, №107. С. 69-75.
7. Жигулина О.В. Политические аспекты миграции в Закавказье в составе СССР // Власть. 2015. №9. С. 69-72.
8. Зверева М.А. Взаимосвязь содержания этнических стереотипов и типа этнической идентичности подростка: на примере русских и еврейских подростков: дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 222 с.
9. Емельянова Т.П. Социальные представления. История, теория и эмпирические исследования. М: Ин-т психологии РАН, 2016. 475 с.
10. Ишмуллина Г.И. Основные подходы к изучению понятия «этническое самосознание» в исследованиях башкирских ученых // Доклады Башкирского университета. 2017. Том 2, №1. С. 124-127.

11. Калиниченко О.В. Особенности этнической идентичности корейцев и русских в условиях межэтнического взаимодействия (на материале студентов педагогического вуза) // Прикладная психология. 2002. №1. С. 68-84.
12. Киселева Е.Е. Особенности этнической идентичности современных студентов (на примере Московского института лингвистики) // Молодой ученый. 2015. Том 15, №95. С. 535-537.
13. Кольчикова Н.Л. Особенности этнического самосознания у учащихся-хакасов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Том 4, №119. С. 17-21.
14. Кузнецов П.В. Национальное самосознание чувашского этноса как объект социально-философского исследования: дис. ... канд. философ. наук. Чебоксары, 2008. 170 с.
15. Мишина М.М., Мурсалыева Г.М. Сравнительный анализ формирования типов этнической идентичности подростков разных культурных сред // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. №1. С. 84-93.
16. Морева Г.И., Курдоглян Г.М. Особенности национального самосознания армян, проживающих в России и в Армении // Социальная психология и общество. 2019. Том 10, №3. С. 67-84.
17. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Том 16, №1. С. 3-18.
18. Немов Р.С., Яценко Д.А. Системный взгляд на концепции личности // Системная психология и социология. 2019. Том 1, №29. С. 19-30.
19. Петренко В.Ф. Психосемантические аспекты картины мира субъекта // Психология. Журнал ВШЭ. 2005. №2.
20. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
21. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Кулеш Е.В., Тихомиров М.Ю. Этносоциальные и личностные предикторы направленности межкультурной коммуникации у жителей российских городов с различным этническим составом населения // Психологические исследования. 2018. Том 11, №62.
22. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. 2009. №2. С. 3-17.
23. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Практикум. М: Аспект Пресс, 2006. 208 с.
24. Тарасова Л.Е. Анализ дискриминационных установок студенческой молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. №3. С. 320-325.
25. Терентьев В.И. Образы Китая и китайцев в национальном самосознании монголов // Вестник Томского государственного университета. 2016. №406. С. 152-157.
26. Торосян Н.Г. К вопросу о переселении армян в Алтайский край: исторический аспект // Известия Алтайского государственного университета. 2013. Том 4, №80. С. 75-79.
27. Тучина О.С. Самопонимание этнокультурной идентичности в условиях диаспоры (на материале исследования армянской молодежи Кубани) // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. Том 9, №29. DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-9-93>
28. Филипченко С.Н., Матвеева А.А. Особенности воспитания культуры межнациональных отношений иностранных студентов университета // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2017. №4. С. 496-502.
29. Хачатрян И.А. Этнокультурные особенности ценностной сферы личности (кросс-культурный анализ ценностных ориентаций русских и армян) // Вестник Красноярского

General psychology, personality psychology, history of psychology

- государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. Том 4, №30. С. 261-264.
30. Яницкий М.С., Серый А.В., Браун О.А., Пелех Ю.В., Маслова О.В., Сокольская М.В., Санжаева Р.Д., Монсонова А.Р., Дагбаева С.Б., Неякина Ю.Ю., Кадыров Р.В., Капустина Т.В. Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. Том 2, №74. С. 131-140.
 31. Чибисова М.Ю., Зверева М.А. Взаимосвязь содержания этнических стереотипов и типа этнической идентичности подростка (на примере русских и еврейских подростков) // Социальная психология и общество. 2011. Том 2, №2. С. 63-79.
 32. Anderson J.R. The adaptive nature of human categorization // Psychological Review. 1991. Vol. 98(3). Pp. 409-429. DOI: doi.org/10.1037/0033-295X.98.3.409.
 33. Boda Z. Friendship Bias in Ethnic Categorization // European Sociological Review. 2019. Vol. 35(4). Pp. 567-581. DOI: <https://doi.org/10.1093/esr/jcz019>.
 34. Bodenhausen G.V., Kang S.K., Peery D. Social Categorization and the Perception of Social Groups // Fiske S., Macrae C.N. (eds) The SAGE Handbook of Social Cognition. Los Angeles, CA: SAGE Publications Ltd, 2012. Pp. 311-329. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446247631>.
 35. Chua P., Fujino D. C. Negotiating new Asian-American masculinities: Attitudes and gender expectations // Journal of Men's Studies. 2008. Vol. 7. Pp. 391-413.
 36. Connelly R., Gayle V., Lambert P.S. Ethnicity and ethnic group measures in social survey research // Methodological Innovations. 2016. Vol. 9. Pp. 1-10.
 37. Deng W.S., Sloutsky V.M. Selective attention, diffused attention, and the development of categorization // Cognitive Psychology. 2016. Vol. 91. Pp. 24-62. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cogpsych.2016.09.002>.
 38. Esses V.M., Jackson L.M., Dovidio J.F., Hodson G. Instrumental relations among groups: Group competition, conflict, and prejudice // Dovidio J.F., Glick P., Rudman L.A. (eds) On the nature of prejudice: Fifty years after Allport. Malden, MA: Blackwell Press, 2005. Pp. 227-243. DOI: <https://doi.org/10.1002/9780470773963.ch14>.
 39. Fiske S.T., Xu J., Cuddy A., Glick P. (Dis)respecting versus (dis)liking: Status and interdependence predict ambivalent stereotypes of competence and warmth // Journal of Social Issues. 1999. Vol. 55. Pp. 473-491.
 40. Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P., Xu J. A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 82. Pp. 878-902.
 41. Fordham S. "Those loud Black girls": (Black) women, silence, gender "passing" in the academy // Anthropology and Education Quarterly. 1993. Vol. 24. Pp. 3-32.
 42. Hooks B. We real cool: Black men and masculinity. New York, NY: Routledge, 2004.
 43. Jaramillo J., Mello Z.R., Worrell F.C. Ethnic Identity, stereotype threat, and perceived discrimination among Native American adolescents // Journal of Research on Adolescence. 2016. Vol. 26(4). Pp. 769-775. DOI: <https://doi.org/10.1111/jora.12228>.
 44. Jost J.T., Banaji M.R., Nosek B.A. A decade of system justification theory: Accumulated evidence of conscious and unconscious bolstering of the status quo // Political Psychology. 2004. Vol. 25. Pp. 881-919.
 45. Lei J.L. (Un)Necessary toughness? Those "loud Black girls" and those "quiet Asian boys" // Anthropology and Education Quarterly. 2003. Vol. 34. Pp. 158-181.

46. Phinney J.S. A three-stage model of ethnic identity development in adolescence. *Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities // SUNY series, United States Hispanic studies*. Albany, NY: State University of New York Press, 1993. Pp. 61-79.
47. Seering J., Ng F., Yao Z., Kaufman G. Applications of social identity theory to research and design in social computing // *Proceedings of the ACM on human-computer interaction*. 2018. No. 2(201). Pp. 1-34. DOI: <https://doi.org/10.1145/3274771>.
48. Shek Y. L. Asian American masculinity: A review of the literature // *Journal of Men's Studies*. 2006. Vol. 14. Pp. 379-391.
49. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior. *Key readings in social psychology // Political psychology: Key readings*. N.Y.: Psychology Press, 2004. Pp. 276-293. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.4324/9780203505984-16>.
50. Trepte S., Loy L.S. Social identity theory and self-categorization theory // *The International Encyclopedia of Media Effects*. John Wiley & Sons, 2017. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118783764.wbieme0088>.
51. Way N., Hernández M.G., Rogers L.O., Hughes D.L. “I’m not going to become no rapper”: stereotypes as a context of ethnic and racial identity development // *Journal of Adolescent Research*. 2013. Vol. 20(10). Pp. 1-24. DOI: <https://doi.org/10.1177/0743558413480836>.
52. Yip T. Ethnic identity in everyday life: the influence of identity development status // *Child Development*. 2014. Vol. 85(1). Pp. 205-219. DOI: <https://doi.org/10.1111/cdev.12107>.

References

1. Berberyan A.S., Tuchina O.R. A study of self-understanding of ethnocultural identity in the titular Armenian ethnos and the associated Armenian diaspora in Russia. *Rossiiskij psihologicheskij zhurnal*, 2016, vol. 13, no. 3, pp. 178-196. (In Russ.)
2. Berberyan A.S., Tuchina O.R., Apollonov I.A. Ethnic identity and tolerance index in different socio-cultural environment. *YAroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 2019, vol. 1, no. 106, pp. 127-133. (In Russ.)
3. Bovina I.B., Stefanenko T.G., Tihomandrickaya O.A., Malysheva N.G., Golynchik E.O. Russia in the modern world: the approach of the theory of social representations. *Elektronnyj zhurnal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*, 2009, no. 2. (In Russ.)
4. Vacura V.V. Features of ethnic heterostereotypes among young people with different types of ethnic identity. *Molodoj uchenyj*, 2019, vol. 51, no. 289, pp. 451-453. (In Russ.)
5. Volchkov E.G. National identity and self-identification. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, 2014, vol. 3, no. 37, pp. 315-318. (In Russ.)
6. Doncov A.V., Stefanenko T.G. Cultural memory of the genocide and ethnic identity of Russian Armenians. *CHelovecheskij capital*, 2017, vol. 11, no. 107, pp. 69-75. (In Russ.)
7. ZHigulina O.V. Political aspects of migration to the Transcaucasus within the USSR. *Vlast'*, 2015, no. 9, pp. 69-72. (In Russ.)
8. Zvereva M.A. The relationship between the content of ethnic stereotypes and the type of ethnic identity of a teenager: on the example of Russian and Jewish teenagers: the dissertation of the candidate of psychological sciences. Moscow, 2011. 222 p. (In Russ.)
9. Emel'yanova T.P. Social representations. History, theory and empirical research. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 2016. 475 p. (In Russ.)

General psychology, personality psychology, history of psychology

10. Ishmullina G.I. Basic approaches to the study of the concept of "ethnic identity" in the research of Bashkir scientists. *Doklady Bashkirskogo universiteta*, 2017, vol. 2, no. 1, pp. 124-127. (In Russ.)
11. Kalinichenko O.V. Features of the ethnic identity of Koreans and Russians in the context of interethnic interaction (based on the material of students of a pedagogical university). *Prikladnaya psihologiya*, 2002, no. 1, pp. 68-84. (In Russ.)
12. Kiseleva E.E. Features of the ethnic identity of modern students (on the example of the Moscow Institute of Linguistics). *Molodoj uchenyj*, 2015, vol. 15, no. 95, pp. 535-537. (In Russ.)
13. Kol'chikova N.L. Features of ethnic self-awareness among Khakass students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012, vol. 4, no. 119, pp. 17-21. (In Russ.)
14. Kuznecov P.V. National identity of the Chuvash ethnos as an object of socio-philosophical research: dissertation of the candidate of philosophical sciences. Cheboksary, 2008. 170 p. (In Russ.)
15. Mishina M.M., Mursalyeva G.M. Comparative analysis of the formation of types of ethnic identity of adolescents from different cultural environments. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki*, 2018, no. 1, pp. 84-93. (In Russ.)
16. Moreva G.I., Kurdoglyan G.M. Features of the national identity of Armenians living in Russia and Armenia. *Social'naya psihologiya i obshchestvo*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 67-84. (In Russ.)
17. Moskovichi S. Social representation: a historical view. *Psihologicheskij zhurnal*, 1995, vol. 16, no. 1, pp. 3-18. (In Russ.)
18. Nemov R.S., YAcenko D.A. A systematic view of the concept of personality. *Sistemnaya psihologiya i sociologiya*, 2019, vol. 1, no. 29, pp. 19-30. (In Russ.)
19. Petrenko V.F. Psychosemantic aspects of the subject's worldview. *Psihologiya. ZHurnal VSHE*, 2005, no. 2. (In Russ.)
20. Soldatova G.U. Psychology of interethnic tension. Moscow, Smysl Publ., 1998. 389 p. (In Russ.)
21. Soldatova G.U., CHigar'kova S.V., Kulesh E.V., Tihomirov M.YU. Ethnosocial and personal predictors of the direction of intercultural communication among residents of Russian cities with different ethnic composition of the population. *Psihologicheskie issledovaniya*, 2018, vol. 11, no. 62. (In Russ.)
22. Stefanenko T.G. Ethnic identity: from ethnology to social psychology. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya*, 2009, no. 2, pp. 3-17. (In Russ.)
23. Stefanenko T.G. Ethnopsychology: Workshop. Moscow, Aspekt Press Publ., 2006. 208 p. (In Russ.)
24. Tarasova L.E. Analysis of discriminatory attitudes of student youth. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 2019, no. 3, pp. 320-325. (In Russ.)
25. Terent'ev V.I. Images of China and Chinese in the national consciousness of the Mongols. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 406, pp. 152-157. (In Russ.)
26. Torosyan N.G. On the issue of resettlement of Armenians to the Altai Territory: a historical aspect. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, vol. 4, no. 80, pp. 75-79. (In Russ.)

27. Tuchina O.S. Self-understanding of ethnocultural identity in the context of the diaspora (based on the study of Armenian youth in the Kuban). *Russian Journal of Education and Psychology*, 2013, vol. 9, no. 29, doi: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-9-93>. (In Russ.)
28. Filipchenko S.N., Matveeva A.A. Features of upbringing the culture of interethnic relations of foreign university students. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika»*, 2017, no. 4, pp. 496-502. (In Russ.)
29. Hachatryan I.A. Ethnocultural features of the value sphere of the individual (cross-cultural analysis of value orientations of Russians and Armenians). *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*, 2014, vol. 4, no. 30, pp. 261-264. (In Russ.)
30. YAnickij M.S., Seryj A.V., Braun O.A., Pelekh YU.V., Maslova O.V., Sokol'skaya M.V., Sanzhaeva R.D., Monsonova A.R., Dagbaeva S.B., Neyaskina YU.YU., Kadyrov R.V., Kapustina T.V. Identity as a dynamic hierarchical system: social and cultural context of formation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, vol. 2, no. 74, pp. 131-140. (In Russ.)
31. CHibisova M.YU., Zvereva M.A. The relationship between the content of ethnic stereotypes and the type of ethnic identity of a teenager (on the example of Russian and Jewish teenagers). *Social'naya psihologiya i obshchestvo*, 2011, vol. 2, no. 2, pp. 63-79. (In Russ.)
32. Anderson J.R. The adaptive nature of human categorization. *Psychological Review*, 1991, vol. 98(3), pp. 409-429, doi: doi.org/10.1037/0033-295X.98.3.409.
33. Boda Z. Friendship Bias in Ethnic Categorization. *European Sociological Review*, 2019, vol. 35(4), pp. 567-581, doi: <https://doi.org/10.1093/esr/jcz019>.
34. Bodenhausen G.V., Kang S.K., Peery D. Social Categorization and the Perception of Social Groups. *Fiske S., Macrae C.N. (eds) The SAGE Handbook of Social Cognition*. Los Angeles, CA, SAGE Publications Ltd, 2012. Pp. 311-329. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446247631>.
35. Chua P., Fujino D. C. Negotiating new Asian-American masculinities: Attitudes and gender expectations. *Journal of Men's Studies*, 2008, vol. 7, pp. 391-413.
36. Connelly R., Gayle V., Lambert P.S. Ethnicity and ethnic group measures in social survey research. *Methodological Innovations*, 2016, vol. 9, pp. 1-10.
37. Deng W.S., Sloutsky V.M. Selective attention, diffused attention, and the development of categorization. *Cognitive Psychology*, 2016, vol. 91, pp. 24-62, doi: <https://doi.org/10.1016/j.cogpsych.2016.09.002>.
38. Esses V.M., Jackson L.M., Dovidio J.F., Hodson G. Instrumental relations among groups: Group competition, conflict, and prejudice. *Dovidio J.F., Glick P., Rudman L.A. (eds) On the nature of prejudice: Fifty years after Allport*. Malden, MA, Blackwell Press, 2005. Pp. 227-243. DOI: <https://doi.org/10.1002/9780470773963.ch14>.
39. Fiske S.T., Xu J., Cuddy A., Glick P. (Dis)respecting versus (dis)liking: Status and interdependence predict ambivalent stereotypes of competence and warmth. *Journal of Social Issues*, 1999, vol. 55, pp. 473-491.
40. Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P., Xu J. A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002, vol. 82, pp. 878-902.
41. Fordham S. "Those loud Black girls": (Black) women, silence, gender "passing" in the academy. *Anthropology and Education Quarterly*, 1993, vol. 24, pp. 3-32.
42. Hooks B. *We real cool: Black men and masculinity*. New York, NY, Routledge, 2004.

General psychology, personality psychology, history of psychology

43. Jaramillo J., Mello Z.R., Worrell F.C. Ethnic Identity, stereotype threat, and perceived discrimination among Native American adolescents. *Journal of Research on Adolescence*, 2016, vol. 26(4), pp. 769-775, doi: <https://doi.org/10.1111/jora.12228>.
44. Jost J.T., Banaji M.R., Nosek B.A. A decade of system justification theory: Accumulated evidence of conscious and unconscious bolstering of the status quo. *Political Psychology*, 2004, vol. 25, pp. 881-919.
45. Lei J.L. (Un)Necessary toughness? Those “loud Black girls” and those “quiet Asian boys”. *Anthropology and Education Quarterly*, 2003, vol. 34, pp. 158-181.
46. Phinney J.S. A three-stage model of ethnic identity development in adolescence. Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities. *SUNY series, United States Hispanic studies*. Albany, NY, State University of New York Press, 1993. Pp. 61-79.
47. Seering J., Ng F., Yao Z., Kaufman G. Applications of social identity theory to research and design in social computing. *Proceedings of the ACM on human-computer interaction*, 2018, no. 2(201), pp. 1-34, doi: <https://doi.org/10.1145/3274771>.
48. Shek Y. L. Asian American masculinity: A review of the literature. *Journal of Men's Studies*, 2006, vol. 14, pp. 379-391.
49. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior. Key readings in social psychology. *Political psychology: Key readings*. N.Y., Psychology Press, 2004. Pp. 276-293. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.4324/9780203505984-16>.
50. Trepte S., Loy L.S. Social identity theory and self-categorization theory. *The International Encyclopedia of Media Effects*. John Wiley & Sons, 2017. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118783764.wbieme0088>.
51. Way N., Hernández M.G., Rogers L.O., Hughes D.L. “I’m not going to become no rapper”: stereotypes as a context of ethnic and racial identity development. *Journal of Adolescent Research*, 2013, vol. 20(10), pp. 1-24, doi: <https://doi.org/10.1177/0743558413480836>.
52. Yip T. Ethnic identity in everyday life: the influence of identity development status. *Child Development*, 2014, vol. 85(1), pp. 205-219, doi: <https://doi.org/10.1111/cdev.12107>.

© Романова С.А., Гурова О.С., 2021

Информация об авторах

Романова София Александровна – аспирант, кафедра социальной психологии, Институт психологии, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3310-0350>, e-mail: sony-24@mail.ru.

Гурова Ольга Сергеевна – доцент кафедры социальной психологии института психологии, кандидат психологических наук, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7386-3024>, e-mail: o-gurova@bk.ru.

Information about the authors

Romanova Sophia A. – Postgraduate Student, Department of Social Psychology, Institute of Psychology, Altai State University, Barnaul, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3310-0350>, e-mail: sony-24@mail.ru.

Gurova Olga S. – Associate Professor of the Department of Social Psychology of the Institute of Psychology, PhD (Psychology), Altai State University, Barnaul, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7386-3024>, e-mail: o-gurova@bk.ru.

Вклад соавторов

Романова София Александровна – теоретический анализ литературы, разработка диагностической программы исследования, проведение эмпирического исследования, анализ результатов исследования, подготовка начального варианта текста, доработка текста статьи.

Гурова Ольга Сергеевна – научное руководство, разработка диагностической программы исследования, критический анализ.

Contribution of authors

Romanova Sophia A. – theoretical analysis of the literature, development of a diagnostic research program, empirical research, analysis of research results, preparation of the initial version of the text, revision of the text of the article.

Gurova Olga S. – scientific leadership, development of a diagnostic research program, critical analysis.

Поступила в редакцию: 03.03.2021

Принята к публикации: 20.07.2021

Опубликована: 06.09.2021